

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ЭКСПЛИКАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Савченко Любовь Васильевна

*д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и издательского дела факультета информационно-полиграфических технологий Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект академика Вернадского, 4
E-mail: lubov29@bk.ru*

EXPLICATION OF TEMPORAL CODE OF CULTURE IN PHRASEOLOGY

Lubov Savchenko

doctor of Philology, Professor, the Head of Advertising and Publishing Chair of the Faculty of Information and Printing Technologies of Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 295007, Russia, Simferopol, Republic of Crimea, Vernadskogo Avenue 4

АННОТАЦИЯ

Данная статья отражает основные результаты исследования компонентного состава и семантической структуры фразеологических единиц, выражающих темпоральные отношения и сопоставляющихся с темпоральным кодом культуры. Показано, что особенно продуктивным темпоральный код культуры проявляется во фразеологии календарно-обрядового цикла. Таким образом, темпоральный код культуры является базовым в концептуальной системе кодов культуры и активно проявляется в формировании фразеологических единиц.

ABSTRACT

The article reflects the main results of the study of the components and semantic structure of phraseological units expressing temporal relations and assigning to temporal code of culture. It is shown that temporal cultural code is the most productive in phraseology of calendar-ceremonial cycle. Thus, temporal code of culture is basic in the conceptual system of the cultural codes and actively reflects itself in formation of phraseological units.

Ключевые слова: код культуры (КК), темпоральный (временной) код культуры, фразеологическая единица (ФЕ), компонент-темперономен, категория времени.

Keywords: cultural code, temporal code, phraseological unit, component-temporomen, category of time.

Проблема тесных связей между языком, этносом и культурой неисчерпаема для лингвистики, в частности фразеологии, и приобрела особое значение в последние десятилетия, отобразившись у славянских народов возрождением национальной культуры. Гипотезы связи языка и этноса обоснованы в трудах В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, в которых слово рассматривается в этнологическом контексте. Многоаспектное изучение этнолингвистики сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений представлено в работах А. Вежбицкой, В. В. Жайворонка, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, В.Д. Ужченко. Культура является иерархически выстроенной структурой различных по содержанию кодов, то есть вторичных знаковых систем, использующей для кодирования того же содержания разнообразные средства. В лингвокультурологических и этнолингвистических исследованиях представление о культуре как о семиотической системе можно осоз-

нать через понятие кода культуры, поскольку семиотическая сущность заложена в природе человека, способного использовать знаки. Это дает возможность увеличить передачу, переработку и хранение информации в пределах знаковых систем, которыми, в частности, являются коды культуры.

В системе концептуальных кодов культуры выделяется темпоральный (временной) код культуры (КК), который соотносится с наименованиями темперономенов, семантикой темпоральности и представляет образы посредством обозначения времени. В процессе познания в сознании человека находится «концептуальная модель времени, которая является базовой когнитивной структурой и отражается в языке» [Маслова, с. 72]. «Временной код культуры – это совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и с отношением человека ко времени» [БФСРЯ, с. 383].

Объектом данного исследования является темпоральный код культуры, который реализуется во фра-

зеологии. Цель работы – проанализировать закономерности и характерные особенности фразеологических единиц в системе темпорального кода культуры.

Понятие *время* находится в центре внимания исследователей как «одно из базовых понятий науки, философии и культуры» [Степанов, с. 228]. Темпоральность в лингвистике рассматривают на основании общего тезиса о времени как абстрактного понятия, последовательности точек на временной оси. Модель времени представляют линией, направленной в обе стороны. В философском понимании время не стоит на месте, а проходит независимо от человека и меняет внешний и внутренний облик всего человечества. Время – это второе название жизни, и язык подтверждает это, называя при помощи отрезков времени духовные сущности: «*время покаяния, минута покаяния, время смирения*» [Маслова, 74]. Время движется из прошлого в будущее непрерывно, односторонне и бесповоротно. Не случайно в культуре и лингвистике ученые выделили такое понятие, как «магический круг времени». Человек стремится ощутить его линейность и цикличность, завершенность и повторимость.

Язык отражает время, движущееся двумя способами. Первый способ заключается в цикличном представлении времени, движении по кругу: *на Рождественские праздники, на Майские, на Крещение*. Как отмечает украинский языковед В. В. Нимчук, «ориентациями во времени еще с языческой эпохи были дни летнего солнцестояния – *купало (купальє)* (производное от *купать*) – и зимнего – *корочунь < korčunь*, к которому приурочен праздник Рождества Христова [Нимчук, с. 59]. Второй способ – линейный: *время бежит, время движется вперед*. Время не зависит от человеческого бытия, оно формируется из более глубокого состояния людей, и если люди, например, вообще не встречали Новый год или Рождество, время все равно продолжало бы свое движение. Время как базовый компонент картины мира наделено свойствами, присущими мышлению человека и его миропониманию. Двойственный характер времени в языке реализуется в виде модели, которая «ориентирована на самого себя» («холодная»), или такая, где «главной фигурой является человек» («теплая») [Арутюнова, с. 51–61].

Восприятие времени разными народами неодинаково. По мнению Ю.С. Степанова, для древних греков время шло «сзади», из-за спины, сквозь человека и будто над его головой, «вперед» – от глаз в бесконечность. Это представление соответствует утверждению, что «неизвестным» является как раз будущее, а «известным» прошлое. Отсюда «именно будущее должно содержаться у нас за спиной, там, где у нас нет глаз и куда не проникает наш взгляд» [Маслова, с. 79–80]. Как отмечает В.В. Красных, люди двигаются по оси лицом вперед, и это закрепляется в языке при помощи соматических элементов: «то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу* принадлежит будущему» [Красных, с. 303]. Время может проявляться при помощи пространственных понятий посредством ФЕ, функционирующих во многих восточнославянских

языках: рус. *не за горами* со значением «на небольшом расстоянии»; рус. *на пороге* – «непосредственно перед приходом».

По мнению метафизиков, время – большая тайна. Его мы не видим и не можем к нему прикоснуться. Однако в языке время проявляется в конкретизированной, материализованной форме: рус. *оттягивать время*; укр. *тягнути час*. В картине мира время иногда воспринимается как густая жидкость: укр. *час тече*, рус. *время тянется*. ФЕ *время истекло* происходит из той эпохи, когда человечество еще не знало механических часов. Одним из древних приборов измерения времени были водяные часы, которые появились более 2,5 тысячи лет назад в Вавилоне, а несколько позднее – в Греции и Риме. Вода в них медленно и равномерно перетекала из верхнего сосуда в нижний, и по ее уровню определяли время, буквально протекающее в этих часах. В Древней Греции, например, на судебных разбирательствах обвиняемому и обвинителю предоставляли для выступлений одинаковое количество воды, и пока вода в часах текла, каждый из них мог говорить.

Время может выступать ценной вещью (рус. *не тратить время*), приобретать признаки живого существа (рус. *время летит*; укр. *час не чекає*). Эти ФЕ несут в себе память о *Времени* как о языческом божестве, которое распоряжалось людьми, их судьбой и выделяло им именно тот хронологический промежуток, которого они достойны. Время может быть объектом измерения, например, ФЕ *одним махом*. Периодичность времени отражена во ФЕ *время от времени*, прошлое – *в свое время*, будущее – *со временем*, мгновенность времени – *в тот же миг*. В восточнославянских языках также функционируют ФЕ рус. *время не ждет (не терпит)*; бел. *время прабіў*.

Время делят на отрезки: вечность, век, тысячелетие, столетие, год, месяц, неделя, сутки, которые отражены в таких ФЕ: рус. *на веки веков*; рус. *день и ночь*; укр. *день у день*; рус. *завтрашний день*; рус. *без недели день*; укр. *з ранку до вечора*. Каждая из этих ФЕ соотносится с темпоральным кодом культуры. Соответственно сутки определяются как *ночь – утро – день – вечер*. Такая закономерность проявляется в семантике этих ФЕ: рус. *с [первыми] петухами* с семой «около полуночи»; рус. *после вторых петухов* – «перед рассветом»; укр. *ще чорти навкулачки не билися* – «очень рано».

Особенно продуктивным темпоральный код культуры оказывается во ФЕ календарно-обрядового цикла. Как известно, дни делятся на праздники и будни. Основательное исследование лексем на обозначение временных отрезков проведено В.В. Нимчуком в монографии «Древнерусское наследие в лексике украинского языка» (1992). Автор анализирует возникновение и функционирование таких темпороменов, как *неделя, день, воскресенье, седмица, среда*. Кроме того, характеризуются календарные наименования Карачун, Коляда, Купало, Рождество, Крещение и др. [Нимчук, с. 91–104].

Каждый день недели имеет свои качественные характеристики (*понедельник* – тяжелый день, *среда*

и *пятница* – женские дни, *воскресенье* – день обязательного отдыха). Дни и недели часто соотношены с событиями мифологически-христианского направления: рус. *Вербное воскресенье* и укр. *Вербна неділя* – соотносятся с пребыванием Иисуса Христа в Иерусалиме (межрегиональные соответствия укр. *Шуткова неділя*; рус. *Вербное воскресенье*); рус. *Страстная* (укр. *Чиста*; укр. *Жильна*) *неделя* (последняя неделя перед Пасхой); четверг этой недели называют рус. *Чистым* (*Белым, Страстным*); неделю и день празднования Троицы называют *Зеленым, Троицким, Клещальным* [Нимчук, с. 166; Даль, с. 150]. Избы украшали ветками, листьями и цветками, потому что, по поверьям, в них любят поселяться души умерших: рус. *Клещальное воскресенье*; укр. *Клещальна субота* [Савченко, с. 231-239]. Например, темпоромон *понедельник* зафиксирован в структуре таких ФЕ: рус. *святой понедельник*; рус. *чистый понедельник*; укр. *великий понеділок*; укр. *волощильний понеділок*, образы которых соотносятся с традиционно-обрядовым кодом культуры, а компоненты в соответствии с качественным или аксиологическим и темпоральным.

Темпоромон *понедельник* функционирует в структуре многих ЭФС, сочетаясь с качественными прилагательными *чистый, большой*, относительными – *страстной, святой*, причастиями – *волощильный, обливной*. Каждый атрибутивный компонент, отвечая на вопрос *какой?* определяет характерный признак дня недели понедельника. От того, от какой лексемы происходит относительное прилагательное, и сформировалось свободное словосочетание, которое через переход в прилагательное или причастие закрепило за компонентом *понедельник* во вторичной номинации определенный признак. Например, глагольная номинатема *волощиться + действие выполнять в понедельник = волощиться в понедельник → волощильный понедельник; облить (водой) + действие выполнять в понедельник → обливаться в понедельник = обливной понедельник*.

Эпоха делится на *профанную* и *сакральную* части: *день* (светлая часть суток) отводится для бытовых забот и работы, *ночь* (темная часть суток) наделяется магической способностью смещать пространственные координаты, выходить в виртуальный потусторонний мир. С поверьями про ночь соотносятся ЭФС: рус. *воробьиная (рябиновая) ночь* – «ночь, в течение которой бывает сильная гроза». Происхождение этой единицы привлекало внимание многих ученых [Агапкина, с. 230-253]. По народным представлениям, в такие ночи нечистая сила отмечает свадьбу. Когда на небе раздается гром и сверкают молнии, это грозный бог-громовержец воюет с нечестивцами. Считается, что в июле бывают сильные дожди с грозами, а «грозовые ночи июля и августа называются воробьиными, потому что гром и молния не дают заснуть и воробьям». Воробьиные ночи приурочивают, как правило, к одной из ночей накануне Купала или Петровки. По мнению многих фразеологов, в исследуемом фразеологизме прослеживается связь с представлениями о «рябизне» природного явления:

имеется в виду связь мигания с мотивами потустороннего мира, мрака, слепоты, смерти [Агапкина, с. 246]. Подробный анализ ЭФС *воробьиная ночь* описал В. В. Нимчук. Автор связывает древнерусское сложное наименование, датируемое в списках XV века «Повести временных лет», с метеорологической номенклатурой. На древность высказывания указывает «не только относительно ранняя его фиксация, а и то, что конституанты его функционируют во всех восточнославянских языках» [Нимчук, с. 163]. Основа объяснения первоначального значения этой единицы касалась орнитономена *воробей*. На самом деле прилагательный элемент высказывания является дериватом названия птицы *куропатка (рябчик)*. Таким образом, В. В. Нимчук путем деэтимологизации слов выделяет первоначальное значение выражения *воробьиная ночь* – «грозовая ночь, когда массово гибнут куропатки» [Нимчук, с. 237–240]. На его основе развилось ЭФС с семантикой «летняя ночь с непрерывной грозой, молниями и громом». Существует поверье о том, что в *Купальскую ночь* муравьи сбивают масло, и оно выходит на поверхность муравейника – отсюда и *муравьиная ночь*.

Большим сакральным смыслом наделен компонент *вечер*, который отражает темпоральный отрезок. В календарной обрядности наиболее значимыми являются укр. *Щедрий вечір*; рус. *сочельник*; рус. *Свят вечер*.

Важное место в миропонимании восточных славян занимали многочисленные верования, связанные с оговорками, ограничениями, табу и т. п. В частности, в некоторых регионах верили, что плохими являются первые девять дней марта. Тяжелым днем считался *понедельник*: в этот день нельзя было впускать в дом постороннюю женщину или что-то одалживать, так как из-за этого вся неделя может быть неудачной. В *среду* и *пятницу* нельзя было кого-то проклинать, потому что проклятие могло сбыться. Верили также, что лихие часы бывают в лихие дни (с утра и до обеда). Чтобы обезопасить себя от горя, непременно надо было предостеречься: *в добрый час сказать, в лихой промолчать; в добрый час будь сказано*.

В славянской фразеологии сохранились ФЕ, представляющие понятия о *добрых* и *злых временах*, мотивированных верованиями. Анализ бинарной оппозиции *хороший / плохой* в верованиях, связанных с темпоральным планом выражения, доказывает производительность архетипного поля *плохой*. В трудах XIX – нач. XX в. фиксируется ряд вариантов ФЕ, построенных по структуре побудительных предложений с компонентом *чтобы (пусть)*. Во фразеологии языковые конструкции, выраженные в форме проклятий с отрицательной коннотацией, сочетаются во фразеосемантическом ряду «*пожелания попасть в определенный отрезок времени, который из-за верования негативно влияет на человека*»: рус. *чтобы тебя не миновал час бедствия*; укр. *щоб на тебе прийшла чорна пора*; рус. *побей (побил бы) тебя горя час и несчастливая пора*; рус. *черная пора на тебя*; укр. *йди у лиху годину*. Базовый компонент-

темпорономен *час (время, пора)* сочетается с прилагательными **черный / несчастливый / куций / сломанный**, имеющими негативную смысловую нагрузку. И. Я. Франко отмечает, что проклятие основывается на народном веровании в плохие, так называемые роковые времена и минуты. Во ФЕ посредством глагольного компонента передалось желание нанести человеку моральный (прийти / идти / знать / не миновать) или телесный вред (ударить / сесть / побить). Архетипное поле *хороший* (относительно времени, поры) фиксируется во ФЕ значительно реже, например, рус. *в хорошем случае*; рус. *при хорошем времени*; укр. *в добру годину*.

Таким образом, мы сделали вывод, что темпоральный код культуры является одним из базовых в концептуальной группе кодов. Во фразеологическом фонде восточнославянских языков функционирует большое количество ФЕ с компонентом-темпорономеном **время**. Проведенное исследование дает возможность утверждать, что этнокодирование тесно взаимодействует с группами кодов культуры. А, следовательно, этнокоды и коды тесно переплетаются в единой системе кодирования культуры и трансформируются во фразеосистеме восточнославянских языков.

Список литературы:

1. Агапкина Т.А. Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян / Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. Н.И. Толстой. – М. : Наука, 1989. – С. 230–253.
2. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык и время : [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М. : Индрик, 1997. – С. 51–61.
3. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление. Культурологический комментарий / ответственный редактор В.Н. Телия. – М. : Аст-Пресс Книга, 2006. – 784 с.
4. Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В.И. Даль. – СПб. : Литера, 1994. – 480 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пос. / В.А. Маслова. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2004. – 202 с.
7. Німчук В.В. Давньоруська спадщина в лексиці української мови [Текст] / В.В. Німчук // АН України, Ін-т української мови; Відп. ред. С.П. Бевзенко. – К., 1992. – 416 с.
8. Савченко Л.В. Етнолінгвістична реконструкція генези фразеологізмів української мови : дис. на здобуття наукового ступеня доктор філол. наук : спец. 10.02.01. «Українська мова» / Л.В. Савченко. – Сімферополь, 2014. – 598 с.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М., 1985. – 336 с.